

МАЯКОВСКИЙ — НА КУБАНИ

«На сотни эстрад бросает меня», — писал В. Маяковский в стихотворении «Нашему юношеству», воссоздавая образ своих странствий.

Поля —
на миллионы хлебных тонн —
Как будто
их глядят рубанки,
а в хлебной охре
серебряный Дон
блестит
позументом кубанки.
Ревем паровозом до хрипоты,
и вот
началось кавказское, —
то головы сахара высят хребты...

Каждый раз, когда при выездах поэта за окном вагона вслед за Доном «начиналось кавказское», он ощущал себя в местах вдвойне родные. Не только сам он родился на Кавказе, но и родители его были уроженцами Кавказа, отец — Закавказья, мать — Северного Кавказа (Кубани).

Своему появлению «на сотнях эстрад» Маяковский справедливо придавал большое общественное значение, называя такие выступления своей второй профессией. Он выступал в Москве и Нью-Йорке, в Свердловске и Краснодаре. Разумеется, один человек не мог успеть всюду, — например, он никогда не бывал не только в Сибири, но даже в близком к его родным местам Ереване. Но Краснодарский край в его современных пределах оказался избезженным Маяковским вдоль и по-

перек. В самом Краснодаре на протяжении одного только 1926 года он бывал дважды — в феврале и ноябре.

Как организатор выступлений Маяковского последних лет его жизни, — именно тех, когда поэт особенно много ездил, — я должен подчеркнуть, что включение поэтом одного и того же города дважды в маршрут на протяжении одного года было явлением очень редким. Этот факт объясняется большим успехом первых краснодарских вечеров, состоявшихся 14 февраля в тогдашнем большом кинотеатре «Монплеизир» на Красной улице и в педагогическом институте.

Поездки Маяковского, в частности, кубанские, воспроизведены в мемуарной литературе, но, к сожалению, не везде точно. Например, у меня вызывает недоумение неоднократно повторяющееся в печати утверждение, что выступление Маяковского 30 ноября 1927 года в Армавире (в кинотеатре, тогда называвшемся «Солей») транслировалось городской широкоэцевательной станцией. Этот факт опирается на сообщение армавирской газеты «Трудовой путь» от 4 декабря 1927 года, но не совпадает с моими воспоминаниями. Трансляция по радио тридцать лет назад, да еще в относительно небольшом городе представляла такую редкость, что, конечно, запомнилась бы,

В Армавир из Ростова Маяковский приехал больным и, отлеживаясь перед выступлением в гостинице, предупредил швейцара, чтобы его не тревожили. Обычно двери у Маяковского были открыты настежь, и паломничество молодых поэтов, журналистов, студентов, комсомольцев не знало границ. Но и на этот раз наиболее настойчивые посетители умудрялись стучаться в дверь.

— Раз так, сделаем вид, что нас нет, — показывал Маяковский жестом.

Некоторые стучали так долго, что мне приходилось выходить к ним и объясняться. Однако одного паломника все же пришлось принять. Он оказался заведующим армавирским книжным магазином. Пришел он не один, а с мальчиком лет восьми, которого крепко держал за руку, очевидно, опасаясь, что он сбежит.

— Это мой сын, — пояснил он. — Не хотел идти со мной, но я ему сказал: дурак, ты потом всю жизнь будешь рассказывать, что видал живого Маяковского. Я ведь так ждал вашего приезда, даже сделал витрину из ваших книг.

- А много у вас моих книг?
- Сколько угодно!
- Привезите мне их вечером в театр, я у вас их куплю.
- Книг слишком много, столько вы не купите.
- Тогда часть оставьте лично мне, а остальное продавайте пуб-

лике. Если книги пойдут туго, я вам помогу.

В антракте был налажен книжный базар. У столика столпилось много народа. Маяковский щедро раздавал автографы и поощрял покупателей:

— Товарищи, если у кого не хватает денег, я доплачу.

При этих его словах завмаг растерялся. И было отчего: число покупателей стало угрожающе расти.

— Не найдешь, с кого получать, — волновался заведующий. Действительно, столик с книгами Маяковского скрипел под напором толпы.

Маяковский успокоил продавца, тут же вручив ему довольно внушительный задаток. Завмаг повеселел:

— Если бы не вы, лежали бы эти книги, ведь среди них были совсем неходкие — старые издания.

Маяковский объяснил: — Эти старые издания — самые ценные. Они уже становятся редкостью. Их-то я и беру у вас в большом количестве.

«Летучий базар» разогрел публику. Перед началом второго отделения Маяковский обходил зал и надписывал книги, одновременно призывая:

— Докупайте остатки, потом будете жалеть!

В конце вечера наладилась живая деловая беседа, заменившая в значительной степени неизменные записки. Маяковский, хотя и больной, но радостный, уехал из Армавира с «добычей», истратив на нее и на

данное завмагу почти весь гонорар за свое выступление.

Такого же типа, хотя менее активное по форме, вмешательство в книготорговлю произвел Маяковский в свое время и в Краснодаре. В этом был серьезный смысл. Издательства часто уверяли, что стихи вообще «не идут». Поэт действительно доказывал, что их просто не умеют продавать. Поэтому-то ему так понравилась инициатива армавирского завмага, хотя тот и не сумел бы без помощи самого автора распродать в таком большом количестве старые издания.

* * *

Так как вечера Маяковского в Краснодарском крае охватывают период почти четырехлетней протяженности, можно сказать, что в разных аудиториях Кубани он прочел очень многие свои произведения.

Его вечер «Мое открытие Америки» в краснодарском «Монплеизире» был в числе первых его выступлений, посвященных заграничной поездке. Полемиический доклад в конце того же года в краснодарском зимнем театре — «Поп или мастер», направленный против эстетствующей богемы, сопровождался, как и в первый приезд, авторским чтением многих стихов, в том числе и тех, которые впоследствии приобрели широкую известность. В Армавире читались главы только что написанной октябрьской поэмы «Хорошо!».

В Сочи, в числе многого другого, читались отрывки из пьесы «Клоп». До начала чтения поэт всегда де-

лал необходимые пояснения: рассказывал историю того или иного стихотворения, расшифровывал отдельные имена, переводил иностранные слова. Это значительно усиливало впечатление от его произведений.

Серия летних выступлений Маяковского в 1929 году в Сочи, Гагере, Мацесте и Хосте относится к периоду последнего в его жизни пребывания на Кавказе. Мне запомнился интересный ответ Маяковского на одном из этих вечеров слушателю, который считал нужным уколоть поэта в том, что ему, видно, нравится ездить по курортам:

— У товарища неправильный взгляд на курорты. Ведь сюда съезжаются люди со всего Советского Союза... они разъедутся по своим углам и будут пропагандировать стихи.

В этом же ответе, здесь воспроизведенном сокращенно, Маяковский подчеркнул качественное отличие аудиторий советских курортов от буржуазных, на которые съезжаются, главным образом, праздная публика.

Сестра поэта Людмила Владимировна Маяковская в те дни отдыхала в Сочи и присутствовала на вечере брата 22 июля 1929 года в открытом театре. Сейчас, в апреле 1957 года, когда дописываются эти строки, мы вспоминаем с ней тот вечер под южным небом, наэлектризованную поэтом-трибуном аудиторию и гроздь мальчишек, — впрочем, и взрослых, — на заборах и на деревьях вокруг кинотеатра...

П. ДАВУТ.